

Бревно в глазу

Несколько раз по Центральному ТВ показали сюжет о гибнущем памятнике в селе Алексеевка Самарской области. Это фигура пожилой крестьянки и рядом – стела с девятью чёрными лебедями. Памятник посвящён матери, девять сыновей которой ушли на фронт, и все до одного погибли в боях.

Женщина умерла от горя ещё до того, как пришли последние «похоронки» о судьбе всех её детей. Наверно, к счастью, если это слово здесь уместно, от такого можно ведь и рассудка лишиться. Трагедия матери потрясла тогда всю страну. Деньги на памятник собирали всем миром, и получился он очень выразительным. Было время, когда вокруг него собирались толпы туристов, звучали речи, лились слёзы, возлагались венки.

Но высохли слёзы, завяли венки, погас вечный огонь, по другим, более весёлым тропам отправились с песнями жизнерадостные туристы, и самое постыдное – стёрлась короткая людская память. У местных властей нет денег на поддержание памятника в порядке, и вот проседает фундамент, пошли трещины, скоро он и вовсе свалится набок, и крылья журавлей бессильно упадут на землю. И все забудут о страшной жертве, которую судьба заставила простую крестьянку – символ всей России – принести ради нашего с вами благополучия.

В этом горестном эпизоде видится нечто большее. Ах, как мы любим критиковать соринки в чужих глазах! В Эстонии перенесли памятник Воину-освободителю из центра города на кладбище. Шуму натворили! А про памятник в Алексеевке рассказали – и хоть бы кто чихнул, я уж не говорю – вышел на улицу с протестом. Памятников погибшим на фронте у нас – пруд пруди, вон сколько их, стандартных, вымазанных серебрянкой, порой облезших и почти всегда – забытых.

В ненавистой заживевшей Америке погубили усыновлённого русского ребёнка – возмутительный факт, что тут говорить. И говорим, возмущаемся, требуем расследования. Но как-то не хочется думать о том, что в нашей собственной стране ежегодно не один, не два, а две с половиной тысячи детей в год погибают от рук родителей. А цифру тех, кто «просто» страдает от насилия, и упоминать не хочется. Установили кое-где так называемый телефон доверия, так сорок процентов тех, кто звонит, это наши дети, школьники жалуются на невыносимые условия жизни в семье.

Вспоминается яркий эпизод. После землетрясения в Спитаке многие русские семьи в порыве сострадания выразили желание усыновить осиротевших армянских детей. Армяне поблагодарили и вежливо отказались: у них не принято отдавать детей куда-то на сторону или в детский дом, всех детей разобрали родственники. А сколько у нас детских домов, и в каких условиях там живут дети? И беспризорных детей у нас сейчас больше, чем сразу после войны, это как?

Рассказывают душераздирающие истории про малышей, оставленных матерями в доме ребёнка. Посетителей просят хотя бы просто взять младенцев на руки и немного поносить: они не знают тепла материнских рук, не чувствуют биение материнского сердца, не слышат воркования материнского голоса и от этого часто умирают. Умирают просто так, не от болезни, а от тоски, до них как-то доходит, что никому они здесь не нужны.

Журналистка, рассказавшая нечто подобное, увидела в таком доме очаровательного татарчонка, взяла его на руки, а когда распеленала, обнаружила огромные, с палец шириной кровавые пролежни. И что её поразило: малыш не плакал, он давно понял, что плачь, не плачь, никто не подойдёт и не поможет. Молча терпел жуткую боль и смотрел красивыми чёрными глазами на безжалостных взрослых.

А ведь, наверно, все видели по телевизору, как горячатся наши депутаты, когда речь заходит об усыновлении наших детей зарубежными семьями! Ну, как же! Разбазариваем генофонд нации! Пусть все дети останутся у нас, в наших детдомах или просто на улице, но зато на родине! А что лишь ничтожные несколько процентов детдомовцев, выйдя в жизнь совершенно к ней не готовыми, как-то умудряются найти достойное место под солнцем, никого особенно не волнует. Господи, стыдобница-то какая...

Ясно, что валить всё на Москву глупо, хотя, как говорится, и к первопрестольной в провинции есть вопросы. На днях президент с экрана очень выразительно рассказал про кадровый голод: ну некого в России назначить губернатором! А те, кого уже назначили... Нет оснований не верить Медведеву, когда он сообщил, что должность губернатора в России сегодня можно купить за несколько миллионов долларов, и желающие находятся. Такого откровения от наших руководителей слышать пока не доводилось.

Медведев предложил создать национальный резерв управленческих кадров, специально отбирать честных и трудолюбивых работников, способных самостоятельно мыслить, и тщательно их готовить к руководящей деятельности. Он особенно подчеркнул при этом, что само по себе нахождение в таком резерве ещё не должно вести к автоматическому продвижению по служебной лестнице.

Мысль интересная, вот бы только найти тех, кто этот резерв будет готовить. А то, не дай бог, снова доживём до пресловутой номенклатуры, списка несменяемых бонз советских времён. Они губили одно дело за другим, их назначали на новые посты, они снова всё проваливали, их снова назначали...

И как бы в пандан к сказанному Пятый канал в программе «Живая история» нам рассказал о таком вот номенклатурном товарище – Шарафе Рашидове, некогда, как его называли в передаче, узбекском хане, усыпанном орденами и прочими всевозможными регалиями, дважды Герое Социалистического Труда, лауреате Ленинской премии и даже писателе. Авторы программы старались, видно, соблюсти объективность: ну, да, хозяин Узбекистана был мастером подковёрной борьбы, жестоким и властолюбивым интриганом, умел пустить Москве пыль в глаза, при нём в республике торжествовали приписки и взятки. Так ведь кто тогда не приписывал успехи и не брал взятки? Все приписывали и все брали. Тем более в Средней Азии, тем более по части производства хлопка. И когда известные следователи Гдлян и Иванов кое-что выявили и даже громко об этом заявили, их отстранили от дела. Тем более, что они договорились до того, что нити коррупции тянутся-де напрямик в Кремль! Ну, это уж было, согласитесь, чересчур. И правильно Гдляну с Ивановым дали по шапке: не зарывайся! Сегодня Рашидов, слава которого в конце концов всё-таки поблекла, а его соратников массами поисключали из партии за коррупцию, снова реабилитирован. Войти в номенклатуру нелегко, но выйти, видно, не легче.

Так что наш президент совершенно прав: не было и нет у нас пока кадров, достойных нами управлять.

Вот и что касается памятника в Алексеевке. С экрана нам сказали, что по придуманным каким-то дураком правилам монумент приобретёт статус памятника и может быть взят на баланс только через определённый срок. Ждать осталось, если я правильно запомнил, лет семнадцать. Очень удобно: через семнадцать лет беспокоиться будет уже не о чем и деньги можно будет потратить как-нибудь иначе.

Оторопь берёт: кто же мы такие, если прошлое нас не волнует – пепел военных жертв в сердце не стучит, и если будущее нас тоже не колышет – наши дети как бы и не наши... Как это у Новеллы Матвеевой: «Позабыла всё, что было, и не видит в том потери. Ах, вернись, вернись, вернись, ну оглянись, по крайней мере!»

Так чем же мы живём? Этой вот минутой, после которой хоть трава не расти? На ум приходят слова ещё одной известной песни: «Что-то с памятью моей стало».

Владимир ЖЕЛЬВИС,
профессор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.